

Научная статья
УДК 316.42:331.5
<https://doi.org/10.24158/spp.2022.4.4>

Продолжение работы на пенсии: взгляд российских пенсионеров

Анна Валерьевна Маркеева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
anna_markeeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7439-1599>

Аннотация. Концепция активного долголетия (поддерживаемая государственными органами и частью бизнес-сообщества) не только строится на идее расширения социальной (образовательной, досуговой) активности представителей старших поколений, но и популяризирует продолжение трудовой деятельности граждан по достижению ими пенсионного возраста. Признавая важность и востребованность для части российских людей такой жизненной траектории, следует сказать, что для многих из них она становится чуть ли не единственным ресурсом преодоления социальной исключённости. В статье указывается на «проблемные точки» внедрения в социум такой стратегии. На основе результатов социологического исследования российских пенсионеров выявлены причины продолжения ими работы, продемонстрирован вынужденный (продиктованный внешними обстоятельствами) характер такой включённости в социум. В статье обосновывается необходимость применения дифференцированного подхода к разработке программ в отношении пожилых граждан (государственных и внутрикорпоративных программ содействия занятости), опирающегося на системный анализ восприятия пенсионерами и предпенсионерами изменений в своем социальном и трудовом статусе.

Ключевые слова: рынок труда, пенсионеры, трудовая деятельность, мотивы, пенсия

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00020 «Особенности занятости и социализации лиц пенсионного возраста в Республике Беларусь и Российской Федерации: компаративистский социологический анализ».

Для цитирования: Маркеева А.В. Продолжение работы на пенсии: взгляд российских пенсионеров // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 4. С. 32–38. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.4.4>.

Original article

Continuation of work on retirement: the view of Russian pensioners

Anna V. Markeeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
anna_markeeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7439-1599>

Abstract. The concept of active longevity (supported by the state authorities and part of the business community) is not only based on the idea of expanding social (educational, leisure) activity of the older generations, but also promotes the continuation of working activities of citizens after they reach retirement age. Recognizing the importance and relevance of this life trajectory for some Russian pensioners, the fact that continuation of work becomes almost the only resource for overcoming social exclusion, the article points out the emerging “problematic points” considering this strategy as the only one. The article points out the “problematic points” of introducing such a strategy into society. Based on the results of a sociological study of Russian pensioners, the reasons for their continued employment have been identified, and the forced (dictated by external circumstances) nature of such involvement in society has been demonstrated. The article substantiates the need for a differentiated approach to designing programs for senior citizens (state and intra-corporate employment assistance programs) based on a systemic analysis of pensioners’ and pre-retirees’ perceptions of changes in their social and labor status.

Keywords: labor market, pensioners, employment, motivation, retirement

Funding: the study was carried out under RFBR and BRFFR financial support as part of research project No. 20-511-00020 “Features of employment and socialization of pensioners in the Republic of Belarus and the Russian Federation: Comparative sociological analysis”.

For citation: Markeeva, A.V. (2022) Continuation of work on retirement: the view of Russian pensioners. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics.* (4), 32–38. Available from: [doi:10.24158/spp.2022.4.4](https://doi.org/10.24158/spp.2022.4.4) (In Russian).

Старение населения – одна из ключевых проблем современных обществ. Рост доли представителей старших возрастов в их структуре не только формирует новые условия для функционирования и модернизации социальных институтов, но и актуализирует вопросы о временных границах старости, о взаимодействии разных возрастных групп. В более широком аспекте специалистов интересует, возможно ли отойти от возрастного структурирования общества и научить его «жить без старости». Эти и многие другие вопросы становятся предметом острых научных дискуссий.

Реформирование (часто радикальное) сложившихся в XX веке пенсионных систем, формирование идеологии «активного долголетия» сопряжены с пересмотром взглядов на возможность и необходимость продолжения работы в старших возрастах (существенное удлинение трудовой деятельности, фактический переход к представлению о желательности «работы до смерти»). Несмотря на общее понимание важности расширения в будущем такой жизненной траектории, следует все-таки разделять вынужденность (выбор под действием обстоятельств) и осознанную, основанную на внутреннем желании потребность в работе в старшем возрасте. Активное трудовое долголетие как императив при разработке государственных и корпоративных программ фактически исключает из фокуса внимания общества значительную часть пожилых (и не только пожилых) россиян, которые видят для себя идеалом «возможность отдохнуть на пенсии после активной работы» или собираются в старшем возрасте посвятить себя семье, заниматься воспитанием внуков или ведением домашнего хозяйства. Игнорирование их интересов, попытка заменить невозможность реализации достойного пенсионного обеспечения расширением периода занятости, свести все многообразие востребованных стратегий до одной – «долголетия на работе» могут иметь множество негативных социальных эффектов (для государственных и внутрикорпоративных программ и для самого человека).

В рамках изучения трудовых стратегий для пожилых ракурс научных исследований смещается в последние годы к поиску детерминант, определяющих готовность и желание людей продолжать работу на пенсии (Каргинова-Губинова и др., 2018; Попова, 2019; Картузова, 2020; Киселев и др., 2021).

В целом проблема трудового долголетия носит комплексный характер. Продолжение работы на пенсии определяется не только комплексом личностных характеристик и условий (Назаров и др., 2014), существующими практиками применения законодательства, ограничивающими возможности людей пенсионного возраста в продолжении трудовой деятельности (Черкашина, 2011; Богданова, 2016), но и более широким, институциональным контекстом: спецификой реализации концепции активного долголетия в разных странах (Григорьева, Богданова, 2020), социально-экономическими условиями развития отдельных регионов, сложившимися в них пенсионными системами (Иванова и др., 2017), особенностями функционирования рынков труда (Чистова, 2019) и т.д. Не менее важными являются и культурные детерминанты, прежде всего, отношение к труду пожилых.

В целях изучения факторов, стимулирующих граждан к продолжению трудовой деятельности в пенсионном возрасте, имеющих проблем трудоустройства и карьеры в старших возрастах в январе – марте 2022 года авторским коллективом сотрудников социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова было проведено социологическое исследование российских пенсионеров ($n = 1\,200$)¹, отдельные результаты которого представлены в данной статье.

Доля работающих пенсионеров в России составляла на 1 января 2021 года 20,7 % от общей численности пенсионеров. Резкое сокращение количества представителей старших возрастов, продолжающих трудовую деятельность (в 2015 году аналогичный показатель имел значение 36,0 %), обусловлено введением поправок, связанных с неиндексацией пенсий работающим гражданам². Несмотря на постепенное изменение восприятия самими пенсионерами своих жизненных стратегий и трудовой активности (границы старости, в том числе активной, отодвигаются, увеличивается число примеров успешного построения карьеры в поздних возрастах, расширяются практики профессионализации хобби, позволяющие пожилым людям выстраивать новую

¹ Региональная структура выборочной совокупности (предельная ошибка выборки с вероятностью 95 % не превышает 3 %) соответствует структуре населения России, достигшего пенсионного возраста, в разрезе федеральных округов в целом и соотношению городского и сельского населения в них. В каждом федеральном округе опросом было охвачено не менее половины входящих в него субъектов федерации. В выборочной совокупности Москва рассматривается как саморепрезентирующая территориальная единица. В ходе случайного отбора респондентов в пределах указанной выше погрешности обеспечивалось соответствие респондентов половозрастному распределению населения России, достигшего пенсионного возраста. Данные исследования сопоставлялись с результатами других общероссийских и зарубежных исследований по теме.

² Старшее поколение [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 15.02.2022).

трудоую траекторию), данные опроса свидетельствуют скорее о вынужденном характере работы пенсионеров. Работа для них представляется не столько способом самореализации и поддержания социальной активности, сколько необходимостью, обусловленной поиском дополнительных финансовых ресурсов для поддержания уровня жизни в условиях недостаточности пенсионного обеспечения. При этом, как отмечалось выше, идеалы и приоритеты «жизни на пенсии» для многих граждан не связаны с трудом: 43,9 % неработающих пенсионеров желали бы сохранить этот статус при любых условиях, свыше 50 % опрошенных граждан, продолжающих трудовую деятельность после достижения пенсионного возраста или ищущих работу, имея материальную возможность, отказались бы от этого в пользу отдыха.

В целом пожилые россияне поддерживают уровень жизни после выхода на пенсию, как правило, двумя способами (часто совмещая их): 1) за счет финансовой помощи детей/внуков; 2) продолжая трудовую деятельность. Способ самостоятельного накопления на пенсию с целью сохранения уровня жизни в соответствующий возрастной период недоступен для большинства россиян. Низкий потенциал стратегии «накопления на старость» в России обусловлен множеством факторов: отсутствием материальных, финансовых возможностей копить, низкой финансовой культурой, отсутствием доверия к финансовым институтам. В текущей ситуации их действие будет усиливаться общей социально-экономической нестабильностью. Фактически в России население боится старости, но и не предпринимает никаких усилий, чтобы подготовиться к ней. На протяжении последних лет наша страна характеризуется одними из худших субъективных оценок старости: россияне боятся старости (77 % опрошенных)¹. В личных оценках респондентов старость связана с бедностью (не будет хватать денег 46 % россиян против 30 % глобальных); с социальной и физической ущербностью – «буду испытывать боль» (26 % против 20 % глобально). Однако страх и беспокойство в отношении старости приводят скорее к стратегии бегства от проблемы, чем конвертируются в поиск возможных способов исправления жизненной ситуации, создания финансовой подушки для поддержания стандарта жизни и потребления. Так, 57 % опрошенных россиян, характеризуя свою жизненную ситуацию и отношение к пенсионному периоду, считают, что к старости невозможно подготовиться (самый высокий показатель в ходе международного исследования 29 стран). Следует отметить, что способы этой подготовки, к которым прибегают россияне, существенно отличаются не только от тех, которые распространены среди жителей других стран, но и от тех, которые наши граждане сами считают необходимыми (речь идет о формировании здорового образа жизни – воздержаться от курения, алкоголя, поддерживать социальные контакты и т.д.). Только 14 % опрошенных откладывают деньги для достойной жизни на пенсии².

Вероятно, фактор радикальных социально-экономических трансформаций конца XX – начала XXI века определил узкий горизонт планирования в отношении старости у представителей не только старших возрастов, но и молодых. Так, в рамках опроса, проведенного в 2018 году Левада-центром, 62 % молодых россиян (18–35 лет) не планировали свое будущее больше, чем на 1–2 года вперед. При этом 39 % россиян в принципе избегали мыслей о старости. Абсолютное большинство опрошенных (83 %) сошлись во мнении, что через четверть века люди будут обеспечивать пенсию себе самостоятельно, роль государства в этом процессе будет минимальной³.

Что касается финансовой помощи детей и внуков, то согласно данным российских исследований она расширяется. Так, по данным Superjob⁴, россиян, поддерживающих материально своих родителей, становится больше (сравнение проводилось с аналогичным исследованием 2010 года): постоянно или периодически помогают старшим 68 % респондентов (2021), 11 лет назад финансовую поддержку пенсионерам оказывали 62 % россиян (2010). На помощь родителям россияне в среднем выделяют 8 500 руб. в месяц. В Москве и Санкт-Петербурге средняя сумма выше и составляет 15 и 13 тыс. руб. в месяц соответственно. При этом следует отметить, что 19 % участников исследования 35–44 лет и 16 % в возрасте 45+ признаются, что им самим финансово помогают родители.

В ходе проведенного нами опроса российских пенсионеров было зафиксировано следующее: для 35,0 % опрошенных характерна стратегия финансовой помощи «старшее поколение

¹ The Perennials: the Future of Ageing [Электронный ресурс] // Ipsos. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/2019-04/ipsos-global-advisor-perennials-future-of-ageing-2019_0.pdf (дата обращения: 20.12.2021).

² The Perennials: the Future of Ageing ...

³ Волков Д., Гончаров С. Представления о будущем у молодежи крупных городов в России, Украине и Беларуси. Опрос «Левада-центра» // Образ будущего глазами молодежи. URL: <http://zukunftsbild.nemtsovfund.org/survey-ru/> (дата обращения: 15.02.2022).

⁴ На пенсию надежд нет: 8 из 10 россиян считают, что взрослые дети должны поддерживать родителей материально // Superjob. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112783/na-pensiyu-nadezhd-net/> (дата обращения: 20.02.2022).

помогает младшим», 30,7 % пожилых информантов прибегают к помощи младших поколений семьи (детей и внуков). При этом складывающиеся в семьях модели межпоколенческих финансовых трансфертов могут как стимулировать продолжение работы на пенсии, так и выступать триггером ее окончания. Так, было выявлено, что при наличии финансовой помощи младших поколений свыше 50 % опрошенных работающих или ищущих работу пенсионеров прекратили бы трудовую деятельность или ее поиск.

В ходе исследования было установлено, что существующие стратегии финансовой помощи в семьях опрошенных не зависят от возраста пенсионеров и места жительства, но обусловлены различием семейных обстоятельств и варьируются по полу. Следует предположить, что укорененность стратегий взаимопомощи в семье также зависит от сложившихся социокультурных традиций межпоколенческих взаимодействий и, вероятно, особенностей социально-экономического развития регионов (уровня и качества жизни). Так, в ходе исследования было зафиксировано, что пенсионеры из регионов Дальневосточного федерального округа значительно чаще прибегают к финансовой помощи своих детей (56 % выделили такую стратегию, диапазон распространенности ее для респондентов из других федеральных округов – от 26,6 % (ЦФО) до 34 % (УФО)).

Проведенный опрос подтвердил результаты других исследований по данной теме. Среди причин продолжать работу преобладают аспекты экономического характера – необходимость поддержать уровень жизни в условиях недостаточности пенсионного обеспечения и материально помочь младшим поколениям (детям и внукам) (рис. 1). Но нельзя сбрасывать со счетов и социальные детерминанты продолжения работы (желание избежать одиночества, поддерживать социальные контакты, привычка работать), мотивы самореализации (интересная работа, увлеченность профессией). Труд не только выполняет прагматическую задачу, выступая средством зарабатывания денег, но и наполняет жизнь смыслом, поддерживает социальную активность, дает чувство востребованности. В целом для многих российских пенсионеров продолжение работы выступает как единственный ресурс, предотвращающий возможность социального исключения.

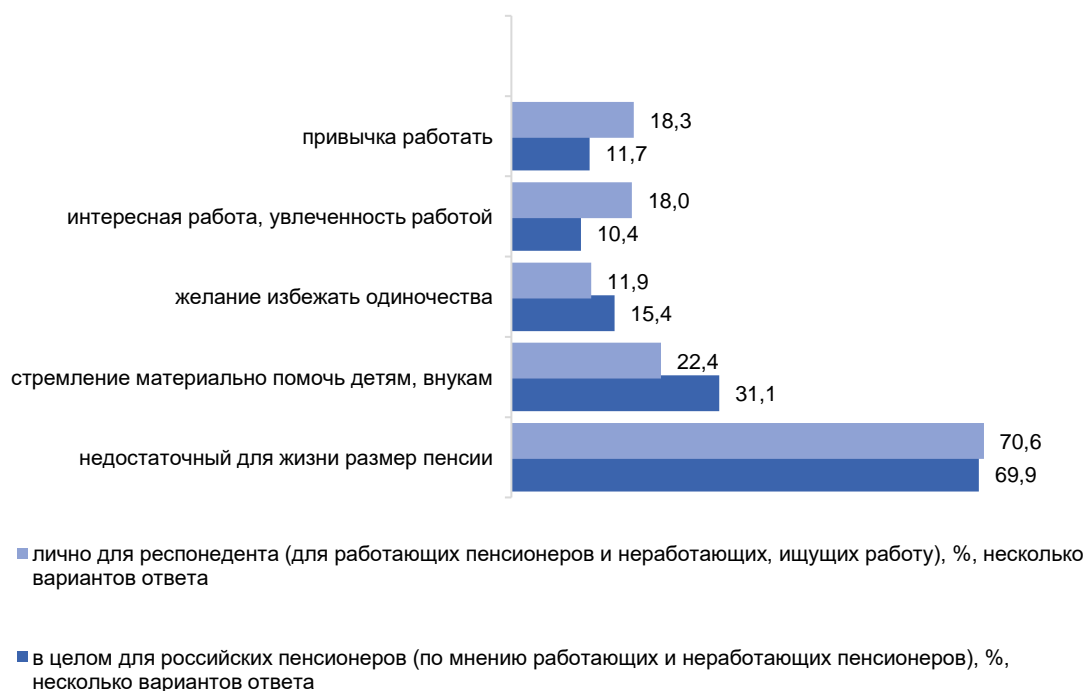

Рисунок 1 – Причины продолжения работы по достижению пенсионного возраста, %

Различия в мотивации продолжения трудовой деятельности лежат в плоскости как личных характеристик (гендер, возраст), так и локальных экономических обстоятельств, места жительства. Так, в ходе анализа было подтверждено, что женщины чаще выделяли социальные мотивы (не быть в одиночестве) и увлеченность профессией в качестве причин продолжения работы (рис. 2). А среди возрастной группы пенсионеров 65+ чаще встречался ответ «привычка работать» в качестве причины оставаться на рабочем месте, чем у младших возрастных групп пенсионеров.

Ограничителем в продолжении трудовой деятельности является не только нежелание продолжать работать или отсутствие возможностей для этого, но и состояние здоровья. Так, среди

неработающих пенсионеров 34,2 % не могут реализовать свой трудовой потенциал из-за физических ограничений здоровья (табл. 1).

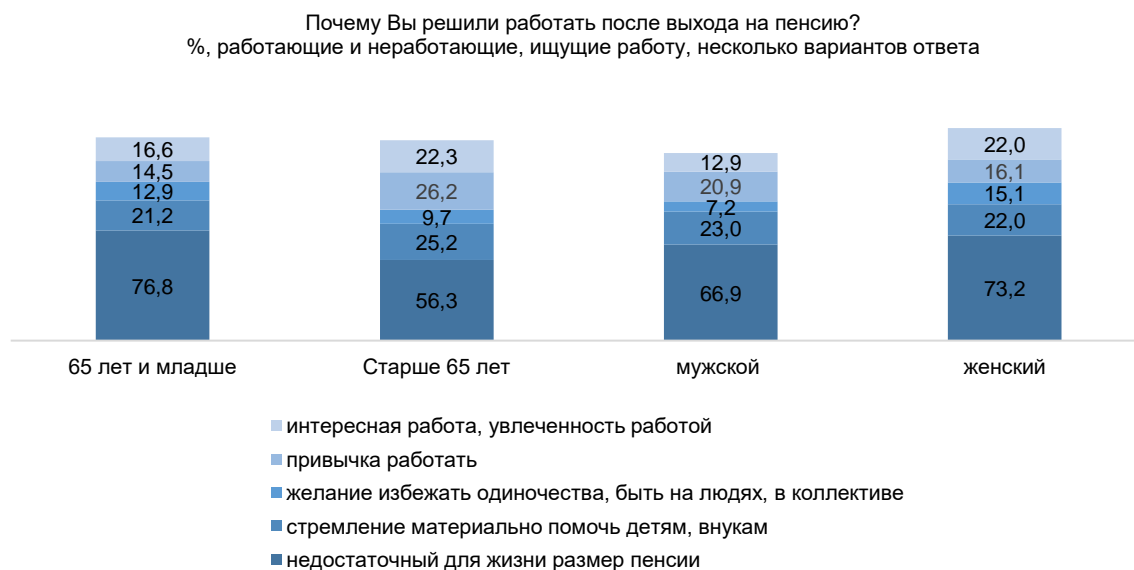

Рисунок 2 – Распределение причин продолжения работы после выхода на пенсию среди разных категорий пенсионеров, %

Таблица 1 – Условия, при которых неработающие пенсионеры готовы вернуться к трудовой деятельности, % от общего числа неработающих пенсионеров, несколько вариантов ответа

Характеристика условий	Частота выбора варианта
Ни при каких	43,9
Если бы здоровье позволяло	34,2
Если бы нашел работу, от которой получал бы удовольствие	11,2
Если бы нашел работу на неполный рабочий день	8,4
Если бы мои близкие нуждались бы в помощи	7,5
Если бы мог найти высокооплачиваемую работу	5,0
Если бы резко упал уровень жизни	3,4
Если бы смог получить дополнительное образование	1,7

Решить проблему могло бы обеспечение более гибких условий труда для пенсионеров или создание рабочих мест, которые не предполагают высоких физических нагрузок и которые люди старших возрастов способны занимать в течение длительного времени (посильная занятость). Приходится констатировать, что в текущих экономико-социальных условиях потенциал такого включения граждан в трудовую деятельность не в полной мере используется бизнес-структурами, частично по причинам отсутствия дефицита рабочей силы или действующих в организациях кадровых стратегий, направленных на омоложение состава сотрудников, частично вследствие стереотипного восприятия трудового потенциала пожилых (когда достижение пенсионного возраста без каких-либо объективных обоснований делает работника «неинтересным» для привлечения и удержания работодателем). Последний аспект – стереотипное восприятие пожилых людей как зависимой, не приносящей пользу, физически и психически ограниченной социальной группы все еще достаточно сильно проявляется в современном обществе (Kite et al., 1991), а применительно к российской ситуации еще и искусственно усиливается действиями HR-специалистов (Барков и др., 2022).

Социальная стигматизация пожилых способствует усилению дискриминации пожилых работников (как на рынке труда, так и во внутриорганизационных процессах), вносит дополнительные стрессовые компоненты в самовосприятие возрастных граждан, в оценку их возможностей и т.д.

Существующие условия приводят к усилению негативных эффектов занятости пожилых россиян – прежде всего, к существенным сложностям для нахождения пенсионерами «хоть какой-нибудь работы» (в целом проблемно было найти место для осуществления трудовой деятельности 34,5 % опрошенных). Можно говорить и о резком ограничении возможности возвращения на работу (для тех пенсионеров, кто на каком-то этапе завершил трудовую деятельность, но при изменении ситуации решил вернуться).

Среди других негативных аспектов, особую озабоченность вызывает закрепление пожилых в зоне precarious занятости и простых работ. Организации не только откровенно пользуются уязвимой позицией пенсионеров (компании считают, что они должны соглашаться и на худшие условия работы, и на меньшую оплату труда), но и искусственно усиливают конкуренцию и конфликтность с другими категориями занятых (молодыми, мигрантами и т.д. в рамках расширения перечня простых работ). Отдельно следует указать на аспект «нерационального» использования трудового потенциала пожилых, когда возрастные работники необоснованно вымещаются в зону низкоквалифицированных работ.

Обобщим сказанное. В условиях повышения пенсионного возраста и изменения отношения общества к старости как периоду жизни и старшему поколению как особой социальной группе происходит существенная трансформация восприятия самими пенсионерами жизненных стратегий и трудовой активности. Постепенно приходит осознание того, что работа в старших возрастах – это не девиация, исключение или диковинка, а норма. Об этом свидетельствуют результаты опроса – 53 % пенсионеров считают, что в будущем люди работать будут дольше. Однако ключевая задача общества и государства в контексте переосмысления концепции старения состоит в том, чтобы создать условия для реализации разных моделей пенсионных переходов, обеспечить возможность воплощения альтернативных стратегий жизненного и трудового пути в старших возрастах. Сейчас же происходит популяризация и даже искусственное подталкивание к реализации одной (пусть более экономической обоснованной и/или целесообразной для развития государства или бизнеса) стратегии, состоящей в обязательном продолжении работы граждан по достижению пенсионного возраста. Происходит предписывание и закрепление такого варианта жизненного пути как наиболее «правильного» взамен существовавшего ранее «заслуженного отдыха после долгих лет работы». Кроме того, создается ситуация, когда для представителей других возрастных групп оставляется право на свободу выбора жизненной стратегии: управленческий дискурс строится вокруг возможностей и технологий радикальной смены профессиональных траекторий, построения разных типов карьеры, реализации новых подходов к успешности, но все это преимущественно о молодых и для молодых. Когда дело касается пожилых, то эта свобода выбора резко снижается, начинает доминировать представление о пенсионерах как о некоторой гомогенной социальной группе с общими устремлениями, мотивами и желаниями (при этом для части управленческого сообщества доминирующей становится логика, согласно которой в старости людям «немного надо», пожилые должны снижать свои запросы). Все это усиливает и без того сильное общественное давление на возрастных граждан, повышая стрессовость их жизненного пространства, способствуя замыканию их в границах своих возрастных групп.

В текущей ситуации необходимо не только создавать «поле возможностей», но и формировать базу для их реализации на основе согласованных действий различных субъектов социального управления (в России наблюдается существенный разрыв между государственными/региональными и внутрикорпоративными уровнями). Понимая особенности жизненных ситуаций, объективных факторов здоровья, физического, социального и ментального самочувствия, которые неизбежно пока сопровождают старение, в попытке содействовать занятости в старших возрастах важно обеспечивать дифференцированный подход к гражданам при разработке государственных и внутрикорпоративных программ.

Список источников:

- Барков С.А., Маркеева А.В., Колодезникова И.В. Трудоустройство людей в пожилом возрасте: социальные императивы и ограничения в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22, № 1. С. 97–112. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-1-97-112>
- Богданова Е.А. Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 4. С. 535–550.
- Григорьева И.А., Богданова Е.А. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 2. С. 187–211. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211>
- Иванова М.А., Балаев А.И., Гурвич Е.Т. Повышение пенсионного возраста и рынок труда // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 22–39. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-3-22-39>
- Каргинова-Губинова В.В., Ромашкина Ю.В., Прокопьев Е.А. Типология трудового поведения лиц третьего возраста (на примере Республики Карелия) // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19, № 10. С. 3231–3244. <https://doi.org/10.18334/rp.19.10.39407>
- Картузова М.В. Трудовые практики старших возрастных групп: причины выбора // Экономическая социология. 2020. Т. 21, № 1. С. 81–99. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-1-81-99>
- Киселев И.Ю., Овчинникова Н.В., Смирнова А.Г., Минь Ю. Траектории занятости предпенсионеров в условиях повышения пенсионного возраста // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 40–49. <https://doi.org/10.31857/S013216250012149-6>
- Назаров В.С., Дормидонтова Ю.А., Ляшок В.Ю. Анализ факторов, влияющих на принятие решения о выходе на пенсию // Журнал Новой экономической ассоциации. 2014. № 4 (24). С. 66–86.
- Попова Е.С. Смена профессии после 45 лет: мотивы и перспективы прохождения программ профессиональной переподготовки // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 1. С. 89–98.

Черкашина Т.Ю. Работа на пенсии: Необходимость или возможность? // ЭКО. 2011. № 4 (442). С. 101–114.
Чистова Е.В. Занятость лиц пенсионного возраста: спрос и предложение на рынке труда России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 10-2 (56). С. 155–162. <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2019-11280>
Kite M.E., Deaux K., Miele M. Stereotypes of Young and Old: Does Age Out-Weight Gender? // Psychology and Aging. 1991. Vol. 6, iss. 1. P. 19–27. <https://doi.apa.org/doi/10.1037/0882-7974.6.1.19>

References:

- Barkov, S. A., Markeeva, A. V. & Kolodeznikova, I. V. (2022) Employment of the Elderly: Social Imperatives and Barriers in Contemporary Russia. *RUDN Journal of Sociology*. 22 (1), 97–112. Available from: doi:10.22363/2313-2272-2022-22-1-97-112 (in Russian)
- Bogdanova, E. A. (2016) Trudovye otnosheniya s uchastiem pensionerov: zabota ili manipulatsiya? [Labor Relations Involving Retired Persons: Care or Manipulation?] *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 14 (4), 535–550 (in Russian).
- Cherkashina, T. Yu. (2011) Rabota na pensii: Neobkhodimost' ili vozmozhnost'? [Working in Retirement: Necessity or Opportunity?]. *EKO*. (4 (442)), 101–114 (in Russian).
- Chistova, E. V. (2019) Employment of Persons of Retirement Age: Supply and Demand in the Russian Labor Market. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. (10-2 (56)), 155–161. Available from: doi:10.24411/2411-0450-2019-11280 (in Russian)
- Grigoryeva, I. A. & Bogdanova, E. A. (2020) The Concept of Active Aging in Europe and Russia in the Face of the Covid-19 Pandemic. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*. (2), 187–211. Available from: doi:10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211 (in Russian).
- Ivanova, M. A., Balaev, A. I. & Gurvich, E. T. (2017) Implications of Higher Retirement Age for the Labor Market. *Voprosy Ekonomiki*. (3), 22–39. Available from: doi:10.32609/0042-8736-2017-3-22-39 (in Russian).
- Karginova-Gubinova, V.V., Romashkina, Yu.V., Prokopen, E.A. (2018) Typology of Labor Behavior of Persons of the Third Age (on the Example of the Republic of Karelia). *Rossiyskoe predprinimatelstvo*. 19 (10), 3231–3244. Available from: doi:10.18334/rp.19.10.39407 (in Russian).
- Kartuzova, M. V. (2020) Work Practices of Older Population Groups: Reasons for Choice. *Journal of Economic Sociology*. 21 (1), 81–99. Available from: doi:10.17323/1726-3247-2020-1-81-99 (in Russian).
- Kiselev, I. Yu., Ovchinnikova, N. V., Smirnova, A. G. & You Min (2021). Pre-Pensioners' Employment Trajectories under Conditions of Rising Retirement Age. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 7, 40–49. Available from: doi:10.31857/S013216250012149-6 (in Russian).
- Kite, M. E., Deaux, K. & Miele, M. (1991) Stereotypes of Young and Old: Does Age Out-Weight Gender? *Psychology and Aging*. 6 (1), 19–27 Available from: doi:10.1037/0882-7974.6.1.19
- Nazarov, V. S., Dormidontova, Yu. A. & Lyashok, V. Yu. (2014) Analysis of Factors that Influence Workers' Decision to Retire. *Zhurnal Novoi ehkonomicheskoi assotsiatsii*. (4 (24)), 66–86 (in Russian).
- Popova, E. S. (2019) Smena professii posle 45 let: motivy i perspektivy prokhozhdeniya programm professional'noi perepodgotovki [Changing Careers After 45: Motivations and Perspectives for Vocational Retraining Programs]. *Professional'noe obrazovanie i rynek truda*. (1), 89–98 (in Russian).

Информация об авторе

А.В. Маркеева – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=378069.

Information about the author

A.V. Markeeva – PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of Economic Sociology and Management Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=378069.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.03.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.04.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 26.04.2022.